

АМАРИ

ГЛУХІЯ СЛОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ·ЗЁРНА·
МОСКВА
M.CM.XVI.

АМАРИ.

ГЛУХІЯ СЛОВА

(Стихи 1912—1913 г.).

Издательство „Зерна“.

Т-ВО СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ, МОСКВА.

Посвящается

М. С. Ц.

I.

Меня коснувшися едва
Прошло, не выившись въ слова,
Волненье вдохновенья;
Еще мелодія въ ушахъ,
И слезы на моихъ щекахъ,
Но не сомкнулись звенья—
И пѣсня замерла въ устахъ.
Благодарю за свѣтъ, за мигъ
Надежды, за восторгъ, за страхъ
И боль невоплощенья;
За то, что ты свѣтло возникъ
И вотъ исчезъ, туманный ликъ
Уже забытаго видѣнья.

II.

Одна звѣзда упала,
Сіяя сіяньемъ кристалла,
Влажнымъ блескомъ росинки,
Теплымъ свѣтомъ слезинки.
Но пожелать я успѣлъ
Въ тотъ быстрый мигъ,
(Словно пѣсню я тихую спѣлъ,
Иль тайну постигъ),
Тебѣ пожелалъ я счастья,
О, сестра моя!
Тебѣ пожелалъ я звѣздной доли,
О, звѣзда моя!

III.

У заката сегодня краски розъ,
Вянущихъ чайныхъ розъ,
Тѣхъ розъ, которыя кто-то принесъ
И случайно забылъ на столѣ.
И смятыя чайныя розы лежатъ,
И какой то теплый струятъароматъ
Въ усталой и алой мглѣ.

IV.

Посв. М. А. Беневской.

Ты радость вешняя, ты цвѣтъ и прелесть
міра,
О, неужели ты грустна, больна,
И неуютна и тѣсна твоя квартира,
И вкругъ тебя холодная страна!

Судьбы тяжелые, увѣренные цѣпы,
Чтобъ вымолоть для жизни намъ зерна,
Бьютъ по цвѣтамъ и по колосьямъ слѣпо,
Какъ будто радость васильковъ намъ не
нужна:

V.

Смотрю въ туманный день осеннiй
Сквозь вѣтокъ черный переплетъ
На вѣрный зову опасенiй
Птицъ передзимнiй перелетъ.

Летятъ, летятъ, за стаей стая....
О, если бы могла велѣть
Мнѣ сила мудрая, простая—
Куда летѣть, чего хотѣть?!

VI.

Въ утро туманное и раннее,
На сѣромъ и сыромъ вокзалѣ,
Въ тягучей скукѣ разставанія
Въ холодной мглѣ, въ уныломъ залѣ,
Передъ разлукой безъ свиданія
Слова прощенья и прощанія
Вы сухо, какъ урокъ, сказали.

«Вѣдь это и мое желаніе,
И вѣдь иначе не могли Вы».
О странной тайнѣ несліянія
Я думалъ хмуро и лѣниво;
Не Васъ я слушалъ (зналъ все ранѣе),
Но гдѣ-то болью разставанія
Свистящіе локомотивы!

VII.

Посв. В. М. Рудневой.

Не связанный въ жизни ничѣмъ,
Живу я такъ скучно;
Равно благосклонный ко всѣмъ,
Ко всѣмъ равнодушный!

Иду отдѣленъ отъ людей
Дорогой особой;
Мнѣ чужды они со своей
Любовью и злобой.

Съ однимъ я народомъ скорблю,
(Съ нимъ связанъ я кровью);
Другой безнадежно люблю
Ненужной любовью.

И медленно вянетъ душа
И чахнетъ искусство.
И трудно мнѣ жить, не спѣша,
Безъ цѣльнаго чувства.

VIII.

Въ лѣтнія ночи плохо спится,
Темно и смутно мнѣ въ постели,
Я жду, чтобъ утромъ птицы, птицы
Въ саду запѣли, засвистѣли.

Какъ лодку вѣтерокъ попутный
Меня повлекши, заструится
Сонъ, и я буду слышать смутно,
Какъ нѣжно-остро свищутъ птицы.

IX.

Мало творческой боли,
Мало было труда,
Мало страсти и воли
И на «нѣтъ» и на «да».

И теперь вспоминая
Лѣтъ безцвѣтную нить,
Проклинаю и знаю:
Надо все измѣнить.

Нужны новыя силы
И въ добрѣ и во злѣ,
Но унылый, безкрылый
Духъ мой никнетъ къ землѣ.

Ищетъ твердой опоры,
Ищетъ темной норы,

Ищетъ мрака, въ который
Заползти до поры.

Чтобы жить, чтобы плакать,
Чтобъ имѣть свой ночлегъ
И въ осеннюю слякоть,
И въ слѣпительный снѣгъ.

И молиться, не вѣря,
И о чемъ то просить,
Душу робкаго звѣря,
Пожалѣть, полѣчить...

X.

Выше пышныхъ куреній, куреній заката,
Въ высотѣ еле зримой, неизслѣдимой
Еле зримые, нѣжные дымы!
Я едва вспоминаю о томъ, что когда-то
Вы мною были любимы...

XI.

Хрустальная музыка чеховскихъ словъ,
Словно съ родины зовъ, словно дальній
зовъ.
Я хотѣлъ бы вернуться, о, Боже мой,
Я хотѣлъ бы еще вернуться домой!
И увидѣть московскій монастырь,
Гдѣ схороненъ онъ.... и поля.... и ширь...

XII.

Какъ изслѣдилъ сердца людскія,
Ты, нѣжный, тихій человѣкъ,
Всепроникавшимъ взоромъ Вія,
Не подымая грустныхъ вѣкъ?

XIII.

О, неуимчивое сердце,
Стучишь-стучишь, стучишь-стучишь,
Въ грудь, въ глухо запертую дверцу!
Но отзвучишь... Но замолчишь....

XIV.

Далёко, одна на кладбищѣ, лежишь ты,
и я на кладбищѣ томъ не былъ.
Далёко, одна... Надъ могилой синѣетъ
неяркое, русское небо.
Далёко! И если судьба не захочетъ, я тамъ
никогда и не буду,
И что-то мнѣ шепчетъ, что я тамъ не
буду, и, можетъ быть, въ жизни тебя
позабуду.

Есть странная, страшная сила, забвенье—
та сила.
Я знаю: быть можетъ, и ты меня тоже
забыла.
Вѣдь если надрѣжемъ мы дерево, новые
соки его заживляютъ, кора заростаетъ
безслѣдно.

Что было бы съ бѣдной душою безъ силы
цѣлебной, безъ силы побѣдной!

Но мнится мнѣ, ты предъ концомъ, съ
другими, съ друзьями, съ родными,
Средь слезъ разставанія вспомнила старое,
старое, полузабытое имя,
Шепнула его и вздохнула съ любовью, иль
горечью, или прощеньемъ,
Навѣрно, съ прощеньемъ, мой грѣхъ
невеликъ былъ, навѣрно съ прощеньемъ.

Мой грѣхъ не великъ былъ: я только любилъ
и не лгалъ предъ тобою.
Быть можетъ, такъ было и нужно, и такъ
суждено мнѣ судьбою—
Тебя разбудить отъ дремоты, когда-же
проснувшись, съ еще полусонной улыбкой,
На міръ и меня ты взглянула,—уйти,
отвернуться и горькой признать все
ошибкой.

Но мной пробужденная къ жизни, ты въ
жизни осталась,
Забыла, что было, творила, любила, смѣя-
лась

И шла безъ меня такою увѣренной твердой
походкой,
Какъ будто и не было той, которую я
покидалъ заплаканной, бѣдной сироткой.

Но что же твой образъ душѣ какъ упрекъ
и какъ бремя?
О, тяжесть ошибокъ, которыхъ уже не
искупитъ ни время,
Ни горечь рыданій, ни страстность молитвъ,
которыхъ не смоетъ
Вся вѣчность, что будетъ, и мигъ отошедшій
тяжелыми волнами скроетъ.

Вся вѣчность! Такое простое и все жъ
невозможное слово «навѣки»;
Надъ темной могилой струятся все болѣе
темныя и полноводныя рѣки.
Ужели навѣки? И вотъ, когда и меня
унесутъ эти воды,
Не будетъ свиданья, не будетъ безсмертья,
не будетъ свободы.

XV.

Сердце гонитъ усталую кровь,
Ширясь чутко и вѣрно.
И сжимается вновь
Мѣрно, мѣрно.

Мѣрно, мѣрно... Покамѣстъ иглой
Старой боли
Тихій кто-то его, тихо злой
Не уколетъ!

XVI.

Посв. Р. И. Гавронской.

Какъ дымно дышутъ дали,
Какъ бѣлъ побѣдно снѣгъ....
Мы такъ съ тобой страдали,
Былъ судебъ бѣденъ бѣгъ,
Мы долго напрасно ждали
Такихъ цѣлительныхъ нѣгъ!

И вотъ дождались нынѣ
Невѣдомыхъ чудесъ.
О, дымъ молочносиній
Безбережныхъ небесъ!
Безслѣдно въ снѣжной пустынѣ,
Какъ дымъ, нашъ бредъ исчезъ.

XVII.

Чуть теплится огонь
И сердце чѣмъ то сжато.
Не тронь, не тронь
Цвѣтокъ безъ аромата!
Жизнь—какъ подъ всадникомъ тяжелымъ
слабый конь.

Нетворческая грусть,
Нѣтъ радости въ надеждѣ,
Такъ пусть же, пусть
Все будетъ такъ, какъ прежде,
Жизнь—скучные стихи, твердимые безъ
чувства наизусть.

XVIII.

Въ темной жаждѣ божества
О, рыбарь, мы ждемъ ловитвы;
Но забыли мы слова
Для призыва и молитвы.

О, сердецъ и душъ рыбарь,
Ты когда жъ разставишь сѣти?
Затрепещутся ль, какъ встарь,
Божьи рыбки,—видишь—эти

Истомленныя сердца?
Долго ль ждать намъ молчаливо,
Чтобъ достигли до Отца
Безсловесные призывы?

XIX.

Кто, Строгій, спроситъ отчета,
Кто, Мастеръ, посмотритъ въ срокъ
Сработана ли работа,
Исправенъ ли твой урокъ?

Какъ дни безнадежно—сѣры,
Какъ видно всю будничность дѣлъ!
Безъ трудной, радостной вѣры
Какъ скуденъ бѣдный удѣлъ!

XX.

Посв. Р. И. Ф.

Не настало время молиться,
Нѣтъ въ душѣ и словъ для молитвъ.
Намъ завѣтъ—въ себя углубиться,
Будетъ сердце медленно биться,
Какъ въ предчувствіи бурь и битвъ.

Говорить придетъ еще время,
Нужно только слушать, таясь,
Прорастаетъ ли свѣтлое сѣмя,
И носить, какъ женщинамъ бремя,
Съ чѣмъ-то тайнымъ темную связь.

XXI.

Все течетъ, какъ вода между пальцевъ,
Какъ песчинки года жизни плѣнной.
Гдѣ жъ пристанище для скитальцевъ
По холоднымъ вокзаламъ вселенной?

XXII.

Сталъ кровавой отравой
Утолявшій и чистый родникъ.
Солнце встало со славой,
Но багровымъ погасъ его ликъ!

XXIII.

Вновь отогрѣтая земля,
Полна волшебнаго бродила,
Несмѣтныхъ травокъ острія
Вверхъ протолкнула, породила.

Впиваютъ корни жадно токъ
Отстоенный, подземный, острый;
И вспыхнули цвѣты въ свой срокъ,
Какъ фейерверкъ внезапно пестрый.

Повсюду долго спавшихъ силъ
Стихійно молодые взрывы:
Ихъ дождь весенній оросилъ
Подъ бурь гремучіе порывы.

И вновь мои тревожны сны,
И ненадолго вновь забуду,
Что такъ обманчиво весны
Всегда одно и то же чудо!

XXIV.

Не знаю, какъ она придетъ,
Въ ночной ли тьмѣ, въ дневномъ ли блескѣ;
Не съ легкимъ вѣтромъ ли впорхнетъ;
Чуть шевельнувши занавѣски;
Отъ книги глазъ не подыму,
Ее почуявъ за спиною,
Но вздрогну, вспомню и пойму,
И медленно, сухой рукою,
Глаза усталые закрою....

XXV.

Ахъ, жизнь была разнообразной
И все же истомила скукой;
Была ненужной, праздной мукой
Или забавой столь же праздной;
Во что то вѣрою напрасной
И въ чемъ то лживою порукой...
О, дорогая, забаюкай
Пѣсенкой тихой и несвязной!

XXVI.

Въ мірѣ простомъ, со всѣми въ мирѣ,
Я твердо жить хочу—въ теплѣ,
Въ уютной и жилой квартирѣ,
Не думая о злѣ, о мглѣ.
Но нѣтъ, не быстрое ль движенье
Земли среди планетъ, въ эфирѣ
Даетъ мнѣ головокруженье?
И вотъ мнѣ неуютно въ мірѣ
На твердой и земной землѣ.

XXVII.

На день въ вагонѣ жизнь кажется мнѣ
сегодня похожей:
Тряска, копоть и каменный уголь
Проникаютъ въ уши и въ глаза черной
пылью.
Жизнь мнѣ кажется похожей на каменные
и желѣзные вокзалы,
На ихъ холодныя, пыльныя залы.
Даже ты не утѣшила меня, подруга
Свѣтлая, у которой ищу утѣшенья.
Ты тоже
Безсильна....

XXVIII.

. . . .

Дождь, затихая, еле-еле
Незвучно къ намъ въ окно стучитъ,
И въ затѣненномъ свѣтѣ лампы
Бѣлѣютъ по стѣнамъ эстампы,
Вещей знакомыхъ милый видъ.

Какое странное прозрѣнье,
Какая боль, какой испугъ!
О, неужели, неужели
Намъ суждено съ тобой безъ цѣли
Скитаться въ мірѣ, бѣдный другъ?..

ПЕРЕВОДЫ.

ИЗЪ ГЁЛЬДЕРЛИНА.

(1770—1843).

I.

Къ Паркамъ.

Одно лишь лѣто дайте, вы, мощныя,
Одну лишь осень зрѣлыхъ напѣвовъ мнѣ,
Чтобъ легче сердце, сладкимъ пѣньемъ
Долу насытившись, умерло бы.

Вѣдь душамъ, въ жизни не воплощающимъ
Извѣчныхъ и божественныхъ правъ своихъ,
Не дастъ забвенья даже Лета.
Если же пѣснь моя мнѣ удастся:

Привѣтъ тебѣ тогда ты, о міръ тѣней!
Я буду свѣтелъ, если бъ и не было
Со мной тамъ лиры. Все жъ однажды
Жилъ я, какъ боги, а это—благо.

II.

Душа пріятное въ сей жизни ужъ вкусила.
Гдѣ тó, что въ молодости было мило?
Апрѣль и май, іюнь прошли. Какъ дни
унылы!
Что я? Ничто. Жить не хочу, нѣтъ силы...

III.

Увѣсили вы берегъ
Надъ озеромъ розами,
И желтыми цвѣтами
О, милые лебеди;
И въ безуміи страсти
Погрузили голову
Въ священную, трезвую воду.

Увы мнѣ, гдѣ обрѣту я,
Когда зима настанетъ, цвѣты
И сіяніе солнца,
И тѣнь земную?
Стѣны стоятъ
Безмолвны и холодны, подъ вѣтромъ
Треплются флаги.

IV.

ВЕЧЕРНЯЯ ФАНТАЗІЯ.

Подъ мирной сѣнью хижины пахарю
Очагъ отраденъ, малымъ доволенъ онъ.
Въ долинѣ путникъ слышитъ звоны,
Колоколъ тихій на близкой церкви.

Вернулись въ гавань всѣ корабельщики,
Далекій городъ шумы веселые
Смиряетъ. Тихо. И въ бесѣдкахъ
Мирно друзья коротаютъ вечеръ.

А что же я? О, если бъ я жилъ, какъ всѣ,
Труда поденщикъ, въ смѣнѣ размѣренной
Заботъ и мира. Спятъ всѣ. Что же
Въ сердцѣ моемъ не смирилось жало?

Въ вечернемъ небѣ, словно весна цвѣтетъ,
Несчетны розы. Въ славѣ и золотѣ

Сіяетъ міръ. Туда, туда бы
Къ тучамъ пурпурнымъ, тамъ въ свѣтѣ
и въ воздухѣ

Растаетъ, растворится и жизнь, и боль!
Мольбой ли глупой вспугнуто, кануло
Очарованье? Смеркло. Снова
Я одинокъ, какъ всегда, подъ небомъ.

Приди же, сладкій сонъ! Слишкомъ многаго
Такъ жаждетъ сердце! Но отпылаешь ты,
Мечтательная такъ тревожно
Юность... И ясной будетъ старость.

V.

ПРОЩАНЬЕ.

(*Діотимѣ.*)

Если я со стыдомъ сгину, и дерзкимъ, имъ
Не отмщу и сойду въ гробъ обезславлен-
нымъ,
И меня одолѣютъ
Силы, духу враждебныя—

Пусть тогда и тобой буду забытъ, навѣкъ,
О, краснѣй за меня, мучься и ты стыдомъ,
Ты, любимая мною!
Нѣтъ, и тутъ пусть не будетъ такъ!

Но предчувствую я: буду одинъ, одинъ...
Геній свѣтлый, и ты бросишь! И духи лишь
Смерти будутъ мнѣ струны
Сердца, струны всѣ, рвать и рвать.

Кудри юности, о, осеребритесь же!
Кратокъ будетъ мой день, завтра же что
насъ ждетъ?..
....меня на пустынный здѣсь
Двухъ дорогъ перекрестокъ
Боль разящая кинула!

VI.

Въ младые годы былъ я такъ утру радъ,
И плакалъ горько вечеромъ! Нынѣ же
Я день сомнѣньемъ начинаю—
Радостенъ, святъ мнѣ тихій мой вечеръ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗЕРНА».

Максимиліанъ Волошинъ. «Anno mundi ardentis». 1915. Обложка Л. Бакста. 1916. Ц. 75 к.

И. Эренбургъ. «Стихи о Канунахъ». Обложка Воробьевой-Стебельской. 1916. Ц. 1 р. 50 к.

Франсуа Війонъ (Виллонъ). Отрывки изъ «Большого Завѣщанія», баллады и разныя стихотворенія въ переводѣ И. Эренбурга. Обложка И. Лебедева. 1916. Ц. 1 р.

Амари. «Глухія слова». Обложка И. Лебедева. 1916. Ц. 60 к.

Жакъ де Безье. «О трехъ рыцаряхъ и рубахѣ». Повѣсть XIII вѣка. Перевелъ со старо-французскаго И. Эренбургъ. Текстъ, обложки, заставки рисовалъ и рѣзалъ на доскахъ Иванъ Лебедевъ. Оттиснуто 200 нумерованныхъ экземпляровъ. 1916. Ц. 3 р.

Готовятся и выйдутъ осенью 1916 года:
Книга о Шарлѣ Пеги. Переводы и статьи.
Вилье де Лиль Аданъ. Аксель.
Елисавета Барретъ - Броунингъ. Португальскіе сонеты.

Цѣна 60 коп

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

въ книжныхъ магазинахъ М. О. ВОЛЬФЪ.

Т-ВО СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ. МОСКВА.